

МЕЖ ТРЕХ ОГНЕЙ: ЕЛЬЦИН – КГБ – РУЦКОЙ

Гростая русская гармонь – поныне самая популярная забава в сотне километров к востоку от Москвы, где начинается Владимирская область. Там гармонист – главный гость на свадьбах, новосельях, уличных гуляниях, танцах.

~~Семья~~ На Владимирщине ~~наиболее~~ ^{была} знаменитый гармонист – мой друг Иван Лукашов. Благодаря ему я подружился и с общепризнанным в России королем гармонистов Геннадием Заволокиным.

На юге Владимирщины еще один гармонист и мой друг Василий Лизюков похоронен на кладбище его родного села Великодворье. Теперь в память Василия каждое лето устраивают его земляки на деревенской площади песенно-музыкальное состязание «Васина гармонь».

Лизюков жил последние его годы во Владимире и зарабатывал на хлеб не гармошкой, а журналистикой. Он трудился на областной радиостанции, потом в городской газете, а затем издавал малотиражку «Химию» на Владимирском химическом заводе. Гармонь была у него целительной отдушиной от житейских передряг и конъюнктурщины журналистского ремесла.

Провинциальный газетчик был на редкость добрым человеком с романским от любой несправедливости сердцем. Оно, надорвавшись, и свело его в могилу. Но до этого за четыре года он поехал однажды на электричке в Москву, услышав по радио осенью 1988 года о том, что в столице будут митинговать за спасение наших солдат из афганского плена. На том митинге у пакистанского посольства я впервые встретился с Лизюковым.

Позже он приезжал опять из Владимира на собрания московской «Надежды». Организовал ее филиал в своем городе. Приглашал туда меня и устраивал выступления матерей военнопленных перед владимирцами. Побывал с моей помощью в Кабуле.

А в декабре 1989 года Лизюков изумил меня авантюрным предложением – баллотироваться от Владимирской области на выборах народных депутатов РСФСР.

Мое депутатство, как надеялся Василий Лизюков, придало бы парламентский статус нашим переговорам с моджахедами.

Заманчивая затея Василия поначалу показалась мне несбыточной. Ведь для владимирцев я был столичный чужак. Да вдобавок сомнительного свойства – безработный. Однако мой друг горячо уверял, что все это

николько не помешает областным избирателям проголосовать за человека, который с их поддержкой возьмется выручать из плена российских парней.

Василий говорил мне, что провинциалы отличаются от москвичей большей душевностью и меньшим эгоизмом. Он обещал руководить предвыборной кампанией, найти помощников, привлечь на нашу сторону местных журналистов и весь коллектив своего химзавода.

И все получилось так, как спланировал Лизюков! Накануне нового 1990 года пятьсот владимирских рабочих в цеху хим завода выслушали Василия и меня, а в заключение выдвинули иногороднего кандидата в народные депутаты. Директор завода дал нам старый «Газик», прозванный в народе «козлом», на котором мы пришлись объезжать городские предприятия и учреждения.

Потом почти три месяца колесили по разбитым дорогам, выступая в районных городках – Собинке, Гусе Хрустальном, Коврове, Муроме, Александрове, Петушких, Суздале, Киржаче, Юрьеве-Польском, Лакинске, Кольчугино, Меленках, Судогде. На тамошних фабриках, в рабочих общежитиях и окрестных деревнях я наблюдался на такую бедность и обездоленность, каких не видел у нас никогда прежде. Но и не знал столь отзывчивых и доброжелательных людей.

Наши беседы с ними повсюду скрашивали русские песни под две гармошки Лукашова и Лизюкова. Это наилучшее подспорье на Владимирщине.

В ту пору миллионные деньжиши еще не предрешали, как сейчас, исход депутатских выборов. У меня было восемь соперников. Среди них – ни одного толстосума. И я не истратил ни одного чужого рубля. Предвыборная конкуренция велась честно. Увы, в последний раз.

С начала января до середины весны 1990 года мои владимирские друзья кочевали со мной по их области, а кроме того я трижды слетал в Кабул. Там пришлось улаживать неожиданную неприятность: президент Наджибулла после освобождения двух наших солдат в Пешаваре затормозил вдруг обещанный обмен военнопленными.

Наджибулла выпустил из тюрьмы 20 пакистанцев вместо 25 предназначенных к обмену и приостановил условленную передачу моджахедам их соратников – трех арабов и пятерых афганцев. Такая задержка грозила сорвать все дальнейшие сделки с моджахедами относительно пленников.

Внезапный демарш Наджибуллы вызвали ожесточенные атаки на его армию отрядов моджахедов с их пакистанских приграничных баз. Одновременно возросли поставки ему советского оружия по «воздушному мосту» из СССР. Решение обескровить наступление моджахедов ответным огнем энергично поддержал московский посол в Кабуле и бывший первый секретарь ЦК комсомола Борис Пастухов. Заодно с ним действовал новый резидент КГБ в Кабуле генерал Валентин Ревин. Тягаться с

этой тройкой было трудновато всего лишь кандидату в народные депутаты.

Вот и пришлось прибегнуть заново к психологическому давлению: шесть матерей пленных солдат и одного отца – Алексея Амелина – привез я в афганскую столицу на январскую встречу с Наджибуллой. Он принял нас опять в королевском дворце. Солдатские матери столь эмоционально надавили на президента, что он в присутствии Пастухова поклялся им ускорить освобождение арестантов, включенных в пешаварский обмен.

Для завершения обмена понадобилось мне еще дважды прилетать в Кабул. И вести переговоры вдобавок с министром госбезопасности генералом Гулямом Якуби и руководителем Кабульской миссии Международного Красного Креста швейцарцем Пьером Вэттакем, который взялся перебросить в Пешавар на своем самолете обмененных пакистанцев, арабов и афганских боевиков.

На исходе марта меня избрали народным депутатом РСФСР от Владимирской области. Удачу отпраздновал наспех, так как полетел в очередной раз в Кабул на «Ил-76», заполненном штабелями артиллерийских снарядов. Между них приютилась со мной подопечная спутница – Людмила Григорьевна Тихоновна. Тремя днями ранее ее сын Алексей сбежал от захвативших его моджахедов, пробрался горными тропами к фронтовым постам кабульской армии и ждал нас теперь в советском посольстве.

Солдат провел в плена почти четыре года, был нездоров, истощен и панически боялся предстать перед армейским начальством, хотя знал о нашей амнистии всем военнопленным. За ним послал меня «Фонд мира», чтобы я, став депутатом, авторитетно рассеял страхи измученного парнишки, привел его в нормальное состояние и привез с матерью в Москву.

Алексей Тихонов, он же мусульманин Абдулла, сидел молчаливо в тесной посольской комнатенке и пугливо озирался, как затравленный зверек. Заплакал, когда к нему вошла мама. Она за пару часов вывела его из шока, а я лишь помог ей позже окончательно успокоить сына. На утро мы втроем улетели из Кабула на порожнем «Ил-76».

В Ташкенте на военном аэродроме два полковника из армейской контрразведки явились зачем-то допросить солдата. Но он спрятался за мою спину, а я их шуганул прочь, использовав впервые свои депутатские полномочия. Алексей целиком очухался пока летели в Москву.

Он очутился в плена, по его рассказам, из-за собственной глупости. Началось все с того, что в казарме гарнизона старослужащие «деды» похитили у него автомат в расчете продать на базаре. А он испугался трибунала за утрату оружия и убежал из своей части. Был пойман моджахедами, уведен в горы и посажен в пещеру, где содержали еще шестерых советских солдат. Все они, спасаясь от казни, приняли ислам и мусульманские имена. Но только Алексею повезло оттуда удрать.

Его треволнения завершились сказочно — на приеме у министра обороны Язова в личном кабинете маршала. Министр был ласков и улыбчив с натерпевшимся солдатом и его матерью. Однако под конец, когда я последним покидал маршальский кабинет, Язов задержал меня и сказал:

- Благодарю вас, Иона Ионович, но плохо, что вы все время призовите к нам дезертиров!

Оправдываться я не стал: лучше, мол, привозить домой живых негероев, чем покойников в «черном польгане» ВВС. В отличие от маршала тревожило меня совсем другое.

За десять месяцев переговоров с моджахедами и Наджибуллой удалось нам выменять только двух пленников. А коли так будет и впредь продолжаться, то обмен затянется на долгие десятилетия! Но гораздо раньше, значит, почти все невольники умрут в плена. И намного раньше, быть может, через несколько месяцев прекратятся вообще обмены военнопленными, если моджахеды одолеют Наджибуллу и вызволят из его тюрьм своих приспешников. В такой скорой кульминации афганской войны я уже не сомневался.

Что же делать? Оставался, по-моему, только один способ заполучить разом всех наших пленных от моджахедов: покончить, как они требовали, с поставками советского оружия обреченному все равно Наджибулле. И договориться об этом с моджахедами пока их враг еще властвует в Кабуле. Иначе будет слишком поздно.

В июне 1990 года собрался в Кремле первый съезд народных депутатов России. Я был избран членом Верховного Совета республики, стал заместителем председателя комитета Верховного Совета по международным делам. На съезде получил возможность выступить с кремлевской трибуны:

- Дорогие товарищи, сейчас в министерстве обороны есть список наших военнопленных в Афганистане. В списке более трехсот фамилий. Значит, по крайней мере триста несчастных матерей, триста несчастных семей ждут своих детей оттуда. Надеются, что они все еще живы. Большинство пленников — уроженцы России, мальчишки со школьной скамьи. Прямо из школ они были брошены в ад войны. И мы не знаем, когда и как их освободят из плена. Почему такое происходит? По одной причине. В наших газетах еще запрещено говорить всю правду. А она в том, что лидеры моджахедов, с которыми мне довелось вести многонедельные переговоры, говорят следующее: «Мы не отдадим всех ваших военнопленных, не отдадим даже большинства из них, пока вы не прекратите нас убивать. Мы не вернем вам их, пока не перестанут нас убивать вашим оружием». Дело в том, товарищи, что наши журналисты сообщают не всю правду из Афганистана. Да, они сообщают, что там идут периодические обстрелы Кабула американскими малокалиберными ракетами. Но не сообщают о том, что каждый день Кабул сотрясается как от землетрясения, окна трясутся и земля дрожит, когда взлетают оттуда наши гигантские

ракеты с огромным грузом взрывчатки и бьют по обширным территориям. Это оружие массового поражения. Можете представить, какое количество мирного населения гибнет до сих пор!

Взывая к депутатам с лакированной, украшенной государственным гербом трибуны, откуда прежде вещал Сталин и его наследники, я видел перед собой тысячеголовый съезд, затихший и внимавший удивленно словам неизвестного оратора. А я спешил сказать самое главное за разрешенные регламентом съезда лишь пять моих минут:

- Мы ушли из Афганистана, осудили наше участие в войне и назвали это преступлением. Но сколько еще мы будем питать там войну нашим смертоносным оружием из России? Мы осудили тех, кто развязал войну, бросил туда наши войска и угробил 15 тысяч наших парней. Но то, что происходит сегодня, творится при нашем косвенном соучастии. Сколько мы тратим на эту войну? Об этом наша центральная печать не сообщает. Только американцы сообщают. Они подсчитали, что мы тратим в Афганистане за месяц минимум 300 миллионов долларов. Каждый месяц! Поподумайте об этой сумме! Такова стоимость не только оружия. Ежесуточно наши грузовые самолеты доставляют в Кабул дефицитное у нас продовольствие. То продовольствие, которого нет в магазинах Владимирской области, где его выдают по талонам....

- У вас время кончилось! – прервал меня руководивший съездом Борис Ельцин. Но дал еще несколько секунд доказать:

- Наша причастность к афганской войне – дело, к сожалению, российское. Мальчики, которых туда послали, наши. И мы должны их вернуть. А потому должны перестать способствовать тем, кто уничтожает афганцев. Мы уже дали волю чехам, полякам, болгарам создать без нас собственные правительства. Давайте оставим в покое и малый афганский народ. Пусть он сам решит свои дела без наших ракет, снарядов, бомб. Помогите вернуть оставшихся в живых наших парней на Родину к их семьям, их матерям!

Зал откликнулся аплодисментами. Но с этого момента, как я знал, от меня отвернутся прежние союзники – Наджибулла и наши генералы в КГБ и министерстве обороны. Продолжая проигрывать афганскую войну, они будут наверняка упорствовать до конца. А разгромный конец был уже близок. И теперь надо было успеть инициировать новые переговоры моджахедов напрямик с Верховным Советом России.

На следующий день член Верховного Совета депутат Асланбек Алаханов обратился к съезду:

- Вчера выступал наш коллега – народный депутат Иона Ионович Андронов. Вчера и сегодня мне звонили по телефону и говорили о том, что депутат поднял очень большую тему для многих наших сограждан. Наши сыновья не по собственной прихоти воевали в Афганистане. В настоящее время Андронов выезжает туда как частное лицо, а не как член Верховного Совета. Я просил бы наделить его соответствующими права-

ми как депутата парламента, чтобы он от имени нашего Верховного Совета проводил ту работу, которую взял на себя и которую возложил на него народ. Просил бы за это предложение проголосовать.

Председатель съезда Ельцин возразил:

- В отношении парламентских полномочий пусть рассмотрит Верховный Совет. Зачем здесь на съезде решать вопрос по полномочиям одного конкретного депутата?

«Шум в зале» – зафиксировано после его слов в опубликованной газетами стенограмме съезда. Однако перечить Ельцину никто не стал. А я решил получить полномочия после съезда персонально от Ельцина, избранного председателем Верховного Совета. В те дни я, подобно миллионам россиян, считал Бориса Николаевича мудрым, прогрессивным и добропорядочным политиком.

На съезде Ельцин достиг, как известно, поста председателя Верховного Совета в отчаянном противоборстве с другими претендентами. И победил с перевесом лишь в пять голосов после трех туров голосования. Все три тура я голосовал за него. Ельцин был тогда антиподом сегодняшнего «царя», как называет он себя теперь.

В 1990 году громогласный обличитель жирных привилегий правящей номенклатуры приезжал на съезд в Кремль за рулем простонародного «москвича». Не гнушался уличных манифестаций, сулил осчастливить Россию будущим благополучием или в случае вздорожания жизни «лечь на рельсы». Он был доступен, демократичен, обожаем рядовыми людьми и ненавидим чиновными аппаратчиками. Мало кто подозревал, что нас дурачит выдающийся лицедей.

Через три недели после съезда Ельцин по моей просьбе принял в «Белом доме» делегацию матерей военнопленных. Повстречаться с ними пришел также недавний афганский пленник – полковник Александр Руцкой, председатель комитета Верховного Совета по делам военнослужащих. Вместе с Ельциным был его помощник Лев Суханов. Разговор получился деловым.

Ельцин одобрил мой план переговоров российского Верховного Совета с моджахедами и поручил мне пригласить их в Москву. Для этого предстояло четырем родителям пленных солдат снова отправиться со мной в Пешавар. Нашу связь взялся обеспечить Руцкой.

Ельцин сказал материам пленных солдат:

- Я искренне сочувствую вашему горю. Последствия афганской войны очень тяжелы. С нашей стороны совершено преступление. И мы должны прекратить поставки оружия в Афганистан с территории России. Речь идет не об автоматах Калашникова – о ракетах, которые в основном производятся предприятиями РСФСР. Для этого необходимо подготовить соответствующее решение, принять закон. Исходя из того, что предприятия и министерства, находящиеся на территории России, должны все подчиняться законам Российской Федерации. И если сегодня в Афгани-

стане воюют нашим оружием, а от этого страдают наши ребята, то ситуацию надо менять. Россия может прекратить поставки оружия со своей территории. А то на словах одно, понимаешь, а на самом деле — кровь льется. Это цинизм, безнравственность!

Заявление Ельцина процитировали день спустя московские газеты. Его мнение об афганской войне содержало по сути новый вызов верховной власти Михаила Горбачева с угрозой лишить президента СССР управления военно-промышленным комплексом России. К тому же Горбачеву были адресованы колкие упреки в «цинизме, безнравственности».

И отныне, само собой, я уже не мог больше надеяться, как год назад, на содействие Горбачева по части выручки военнопленных. Воистину: паны дерутся, а у холопов чубы трещат.

Вслед за публикацией рассуждений Ельцина на афганскую тему мне позвонил посол по особым поручениям министерства иностранных дел СССР Николай Козырев (однофамилец министра российского МИДа). Посол работал постоянно в Москве, курировал в своем министерстве афганские дела, однако, числясь дипломатом, подчинялся негласно шефу советской загранразведки генералу Леониду Шебаршину, начальнику Первого главного управления КГБ.

В юности оба Шебаршин и Козырев учились со мной в Институте востоковедения. Но студенческой дружбой дорожили они всегда намного ниже, чем своими служебными карьерами. И я сразу угадал подвох в дружеской рекомендации мне Николая Козырева отложить отлет в Пакистан с делегацией семей военнопленных.

Мой друг—посол утверждал, что теперь в Исламабаде отсутствует премьер-министр Беназир Бхутто, а потому пакистанские дипломаты якобы советуют представителям Ельцина отерочить визит на две недели. Заботливый однокашник Николай не знал, что днем ранее я посетил московское посольство Пакистана, оформил там визы для нашей делегации и получил обещание подготовить для нас встречу с госпожой Беназир Бхутто.

Но я не стал уличать Николая во лжи, чтобы не настораживать преждевременно его начальство, которое я задумал перехитрить.

Спустя неделю Николай позвонил мне вторично и сообщил, что в Исламабаде советское посольство будто бы информировано пакистанскими дипломатами о решении вождей моджахедов отменить прием у них делегации Ельцина. Поэтому придется, посочувствовать мой дружок, отложить поездку «до лучших времен». В ответ я разыграл крайнее огорчение и попросил его помочь нам и впредь. Он сладко проворковал о своей преданности старому другу.

Тем временем я втихую запасся в «Фонде мира» командировочной валютой для нашей делегации, приобрел авиабилеты до Исламабада на пять человек, использовал свое депутатство для получения моими спут-

никами загранпаспортов и советских выездных виз. Утром 28 июля мы, никого не предупредив, улетели как бы конспиративно в Пакистан.

В тот же день под вечер посол Николай Козырев, не дозвонившись до меня в Верховном Совете, обратился по телефону к моей жене:

- Иона уже вернулся с работы домой?
- Нет, - ответила жена.
- Скоро появится?
- Он сказал, что возвратится домой в зависимости от хода его дел.
- Где же он застрял?
- Сейчас уже долетел, наверное, до Карачи, а оттуда полетит в Исламабад.
- Ты шутишь?
- Нисколько.
- Значит, он улетел в тайне от меня?
- Да.
- Почему? Потому что ты и КГБ получили, по его словам, задание навредить Ельцину срывом переговоров Ионы с моджахедами.

Это обвинение подтвердил через тринадцать месяцев сам Николай Козырев в начале сентября 1991 года. До того за две недели Николай в первый день августовского путча ГКЧП подстраховался ловким отъездом из столицы на отдых в загородный санаторий. И тем самым сохранил затем свой дипломатический пост. Его ментор из КГБ генерал Шебаршин оказался менее изворотлив и поплатился вынужденной отставкой. Председатель КГБ Владимир Крючков и вовсе попал в тюрьму. На него и указал порицающе Николай, когда после краха путча я с двумя дипломатами российского МИДа выяснял в здании министерства на Смоленской площади причины саботажа оттуда переговоров Верховного Совета РСФСР с афганскими моджахедами. Николай Козырев признался:

- Препятствовать соглашению людей Ельцина с моджахедами заставлял нас председатель КГБ Крючков.

Крючков интриговал против Ельцина не только в угоду Горбачеву. Хозяин Лубянки считал Афганистан заповедной зоной КГБ и пресекал там любое вмешательство иных сил. Хотя боевые операции вела советская армия, реальная власть над страной принадлежала сотням офицеров КГБ, прикомандированных ко всем афганским госучреждениям. Сам Крючков повседневно контролировал ситуацию в Афганистане и приезжал туда до осени 1990 года тридцать раз!

Он впервые посетил Кабул летом 1978 года после мятежа просоветских офицеров, которые свергли и пристрелили президента Дауда вместе с его семьей. Крючков поздравил революционеров и обещал помочь Кремлю их вожакам — новому президенту Тараки и премьер-министру Амину. Спустя год Амин убил Тараки и стал кабульским президентом.

Через два месяца Крючков по приказу кремлевского Политбюро десантировал в Кабул спецназовцев КГБ, которые прикончили Амина. Вме-

сто него Крючков организовал доставку из чешской Праги афганского эмигранта Кармала — новоиспеченного президента. Синхронно советские войска вторглись в Афганистан. О подготовке вторжения Крючков однажды многозначительно обмолвился: «Я был в курсе принимавшихся решений».

После шести лет безуспешного участия СССР в афганской войне Крючков убедил недовольное Политбюро поменять в Кабуле своего прежнего ставленника Кармала на нового фаворита КГБ — шефа секретной полиции и разведки Наджибуллу. Крючков сделал Наджибуллу президентом весной 1986 года. И с той поры руководил им из Москвы, вооружал его армию, снабжал деньгами и провиантом, оберегал от критики в советской прессе. Наджибулла зависел от КГБ во всем настолько, что после ареста Крючкова в августе 1991 года Наджибулла через полгода стал арестантом моджахедов.

Ускользнув из Москвы за рубеж назло всевластному КГБ, я ощущал, как мальчишка, такую бесшабашную радость, которую могут по настоящему понять только люди моего поколения. Ведь мы с юности приучились бояться беспощадной Лубянки. Она подстерегала повсюду, подслушивала каждое неосторожное слово, замечала тайно любые вольности. Долгие годы я, журналист-международник, жил привычно под колпаком КГБ. И вот хоть раз показал ему кукиш, испытав при этом незабываемое счастье!

В Исламабаде я вместе с четырьмя родителями военнопленных обосновался привычно в той же дешевой гостинице, где обитал и прежде. В этом туземном пристанище не было кроме нас других белокожих постояльцев.

Двухэтажный отельчик был по-бедняцки грязноват, хотя имел претенциозное название «Эмбассадор», то есть «Посол». Никакие послы там, конечно, никогда не появлялись. Но зато вся смуглокожая обслуга — дежурные портье, официанты, уборщики — проявляли ко мне дружелюбие, так как я неизменно держался с ними приветливо на равных. Такая манера общения была искренней: люблю издавна азиатский Восток и до сих пор по нему тоскую.

На второй день в Исламабаде нашу делегацию принял исполнявший обязанности пакистанского министра иностранных дел Ифтикар Муршед. С ним я сотрудничал и раньше. Он благожелательно обещал помочь посланцу Ельцина возобновить переговоры с моджахедами.

Муршед сказал, что послезавтра — 1 августа 1990 года — начнется исламский трехдневный праздник Мухарам, а затем наш выезд в Пешавар будет согласован с премьер-министром Беназир Бхутто с целью обеспечить ее поддержку. Все складывалось, казалось бы, наилучшим образом...

Однако поздним вечером 5 августа, когда спала летняя жарыша, я вышел из гостиницы прогуляться перед сном и вдруг увидел звезде на

улицах патрули пакистанских солдат. А горожане почему-то исчезли. Поняв недоброе, я вернулся в отель, где мне сообщили, что по радио объявлен запрет властей на политические манифестации и вообще любые собрища. На утро стало известно: в столице — государственный переворот.

Армейские генералы взяли премьер-министра Беназир Бхутто¹ под домашний арест и упредили за решетку ее ближайших коллег в правительстве. Парламентскую ассамблею распустили, Резиденцию премьер-министра заняли и обыскали военные. По их рекомендации назначили временно новым премьером угодного им политика. Страной распоряжалась опять ее военщина.

После свержения Бхутто¹ я больше не смог разыскать хотя бы по телефону ни одного своего знакомого в министерстве иностранных дел Пакистана. Вскоре был смешен и оказавший мне покровительство директор разведслужбы ИСИ генерал Каллу. Так рухнули обвально все мои заготовки пакистанского воздействия на моджахедов. К ним в Пешавар я повез свою делегацию, уповая лишь на русский авось.

Беда, как верно подмечено, не приходит одна. Ее двойником оказался для меня в Пешаваре генеральный консул США Уолтер Майо. Его я не навещал. Но с ним беседовал обо мне американский журналист Патрик Одонелл, бравший у меня интервью в Пешаваре. Одонелл сочувствовал нашим усилиям освободить военнопленных и потому предупредил о том, что генконсул Майо убеждает лидеров моджахедов не вступать в переговоры с представителем Ельцина:

- Майо говорит моджахедам, что Ельцин наперекор Горбачеву не сможет единовластно прекратить поставки оружия Кабулу из России в обмен на освобождение моджахедами советских пленников.

- Это личное мнение генконсула США? — спросил я.

- Нет. По его словам, таково официальное мнение в Вашингтоне правительственные кругов. Их негативное отношение к вашей миссии Майо позволило мне разгласить в прессе без упоминания его имени.

Вашингтонская дипломатия под маской отеческой заботы об интересах вооруженных ёю моджахедов явно опасалась, что они, ведя переговоры с Россией, могут уменьшить их зависимость от Соединенных Штатов.

Но еще хуже была моя третья беда. Она исходила из советского посольства в Исламабаде. Сотрудники посольской резидентуры КГБ перед выездом нашей делегации в Пешавар изловчились за моей спиной привезти к себе родителей военнопленных и сказали им, что я обманываю их при раздаче каждому командировочной валюте на питание и персональные мелкие расходы. Речь шла о так называемых «сугочных» — 14 долларах в день на человека. А моим компаньонам наплели, что им положено будто бы второе большее.

Эту ложь сразу же отверг отец военнопленного Алексей Амелин, мой трехкратный спутник в Пакистане. Однако трое солдатских матерей по-

¹Примечание. Через несколько лет Беназир Бхутто была убита исламскими террористами.

верили клевете и несколько дней спустя устроили мне сообща визгливый скандал. Показанная им командировочная смета валюты «Фонда мира» никак не отрезвила распаленных алчностью женщины. Знатоки КГБ по части дамских психозов отомстили мне сокрушительно.

До этой подлости мне было бы немыслимо представить превращение российской матери пленного солдата из спасительницы ее сына в хищную охотницу за чужими деньгами. Однако КГБ добилось вроде бы невозможного! Рядовые советские гражданки, настрадавшие всю жизнь в родной державе пустых магазинных полок, увидели впервые за границей множество лавок, переполненных всяческим баражлом. Ах, какие там кожаные жакеты, недорогие туфельки, колготки, сверкающие брошки! И почти задаром нашейные ниточки искусственного жемчуга! От такого неожиданно сойдешь с ума. Ну, они и сошли, обездоленные простушки.

А тут их пожалел на богатой чужбине добрый советский дипломат из КГБ и нашептал подсказку: решительно требуйте доллары из заначки привезшего вас сюда жадного депутата Верховного Совета. И одуревшие подружки набросились на меня:

- Дайте нам, Андронов, еще денег на покупки!

- Не могу, - отбивался я. - Это противозаконно.

- Почему?

- Потому что в Москве мне надлежит документально отчитаться за все расходы валюты. Суточные я вручил вам под ваши расписки. Оплата жилья в гостиницах подтверждена квитанциями. Таким же образом оформлены наши транспортные расходы и телефонная связь. Остаток валюты до последнего цента полагается сдать в бухгалтерию «Фонда мира».

- Остаток денег отдайте нам!

- Чем же это оправдать?

- Тем, что наши дети пропали на войне в Афганистане.

- Стыдно за это вымогать у меня казенные доллары.

- Не смейте нас оскорблять!

Имена трех обезумевших соотечественниц не называю умышленно. Не хочу позорить их публично. Но простить не смог. Они продолжали тайком от меня якшаться с офицерами КГБ из советского посольства. Им посоветовали вернуться побыстрее в Москву и вместо помощи Ельцина положиться впредь на содействие Лубянки в розыске их пленных сыновей.

Впоследствии в Москве зазвали на Лубянку тех же солдатских матерей, зачарованных мишурой пакистанских лавок, и одурманили их новой суперприманкой – устроить им поездку в Швейцарию под предлогом обсуждения там проблемы военнопленных в Женевской штаб-квартире Международного Красного Креста.

Охмурял солдатских матерей на Лубянке офицер КГБ по имени Геннадий Давыдов. Позже он, ветеран афганской войны, погиб как-то странно в подмосковной автокатастрофе.

Меня же ранили бескровно, но почти наповал. КГБ выжгло в моем мозгу последнюю иллюзию — наивную уверенность в благородстве помощи несчастным матерям пленных солдат. Сострадание к ним не исчезло, но было отравлено ядовитой примесью презрения. Их женское стяжательство, бесстыдная готовность к мгновенной измене, истеричность и глупость умertвили во мне прежний настрой самопожертвования ради них.

Их сыновья в плена, конечно, вызывали острую жалость, но ведь я уже точно знал, что выжили у моджахедов только покорные рабские небольники. Так чем же теперь осталось мне себя воодушевлять? Только одним: надо было, стиснув зубы, доказать самому себе преданность начатому благому делу.

День за днем в Пешаваре я с Амелиным посещал штабы моджахедов и приглашал их вождей в Москву на переговоры с Ельциным. А троих наших делегаток влекли магазины, но по ним расхаживать было весьма рискованно для русских из-за обилия в городе афганских боевиков.

Заскучавшие дамы в конце концов уехали в безопасный Исламабад. Их проводил я с облегчением, хотя разлад с ними тщательно скрывал, так как был под неусыпным наблюдением местных журналистов. И ежедневно читал в пакистанских газетах репортажи о деятельности московской делегации.

Правдивая информация перемешивалась с анекдотическими сплетнями. Дошло до того, что издающаяся в Карачи респектабельная газета «Нэйшн» оповестила:

«Президент Советской федерации Ельцин встретился в Пешаваре с президентом афганского временного правительства Сибхатуллой Моджадеди».

Вместо этого Моджадеди после долгих бесед со мной согласился послать своих эмиссаров в Москву на переговоры с Ельциным. К тому же удалось склонить и других предводителей моджахедов. Рассорившийся с ними Хекматъяр многодневно торговался со мной, набивал себе цену, кочевряжался и предложил в итоге встретиться отдельно с представителями Ельцина на нейтральной почве в Цюрихе или Женеве.

Отныне Ельцину предстояло определить дату его переговоров с моджахедами. Я телеграфировал ему о том, что накануне переговоров вожди моджахедов, контролируя уже 80 процентов территории Афганистана, поручили мне уведомить председателя Верховного Совета РСФСР об их намерении установить в будущем мирные отношения с нашей страной и гарантировать спокойствие на афгано-советской границе.

Вдобавок Хекматъяр пообещал передать Ельцину поименный список советских военнопленных и позволить до их освобождения свидания с родителями. Заключительная фраза моей телеграммы Ельшину гласила:

«В соответствии с национальными интересами России прошу вас, Борис Николаевич, воспользоваться вашей уникальной возможностью выручить из чужеземной неволи наших уцелевших соотечественников».

Покидая Пешавар, я увез письменное послание правительства моджахедов Борису Ельцину. Вот дословный текст этого документа:

**Исламское временное правительство Афганистана,
5 сентября 1990 года.**

Его Превосходительству Борису Ельцину,
Председателю Верховного Совета
Российской Федерации,

Москва.

Ваше Превосходительство,

Позвольте мне поблагодарить вас за ваше любезное приглашение посетить Москву. Сейчас моя занятость здесь и мой отъезд в ближайшие дни в Афганистан не позволяют мне воспользоваться вашим приглашением в настоящее время. Вместе с тем, Ваше Превосходительство, я с удовлетворением сообщаю вам, что уполномочу высокопоставленную делегацию участвовать в переговорах в Москве относительно военнопленных и других проблем общей заинтересованности.

Примите, пожалуйста, Ваше Превосходительство, заверения в моей высочайшей признательности.

**Искренне ваш профессор Сибхатулла Моджадеди,
Президент Исламского временного правительства Афганистана.**

Столь вежливое согласие воинственных моджахедов смириенно пребыть в столице их врагов досталось мне недешево: полтора месяца нервотрепки аукнулись перебоями сердца, аритмии и спазматическим головокружением. Измотавшись до крайности, я вернулся 16 сентября в Москву.

На следующий день Ельцин получил послание правительства моджахедов. Прочитав, он назначил мне время для детального обсуждения с ним дальнейших планов – 21 сентября в полдевятого утра.

За десять минут до randevu я вошел в просторную приемную перед дверью кабинета председателя Верховного Совета РСФСР на пятом этаже московского «Белого дома». Секретарь Ельцина, отойдя от конторки с портативной рацией и телефонами, предупредительно сказал, что председатель уже выехал из дома и примет меня первым. Но в условленное время он не появился. Не было его ни четверть часа спустя, ни через полчаса, ни позже.

В приемную входили чиновники секретариата, растерянно переговаривались, уходили, возвращались. Дежурный секретарь тревожно отмалчивался пока у него не зазвонил кремлевский спецтелефон. Выслушав кого-то, он громко произнес:

- Борис Николаевич подвергся нападению! Он жив, но сильно пострадал. Сейчас его везут в кремлевскую больницу.

Приемную начали заполнять возбужденные депутаты Верховного Совета. Они уже слышали по радио экстренное сообщение о ранении Ельцина. В шумной толпе парламентариев пересказывали разные слухи о том, что случилось: «покушение», «заговор», «вылазка подручных Горбачева». Однако никто толком ничего еще не знал.

Лишь после полудня стало достоверно известно, что на улице Горького, ныне Тверской, какой-то москвич-пенсионер с его дочкой на их «Жигулях» врезались с разгона в ельцинскую «Волгу» и растаранили ей как раз тот бок, где сидел Ельцин. От столкновения «Волгу» швырнуло с мостовой на забор новостройки и расшибло о него повторно. Ельцин был окровавлен ударами в бедро и голову. Он получил сотрясение мозга.

Его отвезла в больницу обычная машина скорой медпомощи. Тогда он ездил по улицам еще без нынешнего своего автокортежа с лимузинами реанимации, охраны, милиции с сиренами и не приказывал останавливать на пути его бронированного «членовоза» весь городской транспорт.

Дорожный инцидент утром 21 сентября 1990 года, как оказалось, произошел стихийно без всякого злого умысла. Вместе с тем травмы Ельцина аннулировали его график ближайших встреч. Был отменен даже подготовленный визит Ельцина в Рим к премьер-министру Италии и папе Римскому. Тем более было уже не до меня со всей афганской кутерьмой. Рассеянный пенсионер за рулем «Жигулей» навредил и мне рикошетом.

Мои оппоненты тем временем оживились. Наджибулла с помощью кабульского друга – советского посла Пастухова – пригласил к себе посетить члена Президиума Верховного Совета РСФСР полковника Руцкого. Его афганский опыт Ельцин ценил в ту пору и потому доверил Руцкому заниматься со мной освобождением наших военнопленных.

В те дни Руцкой демонстрировал чрезвычайную почтительность к Ельцину, который потом насмешливо вспоминал, как услужливый полковник – депутат заботливо предлагал снабжать его самыми модными костюмами и ботинками, внося в кабинет Ельцина целую дюжину заграничных башмаков.

Еще больше Руцкой угодил Ельцину тем, что расколол в российском парламенте фракцию коммунистов и часть ее увлек за собой в созданную им группу «Коммунисты за демократию». Последующее решение Ельцина сделать Руцкого своим вице-президентом не было, как многие у нас заблуждаются, совершенно спонтанным.

В Кабуле президент Наджибулла встретил Руцкого с обворожительным радушием, сам его угождал, развлекал, ублажал во всем и льстил ему сладко по-восточному. Заодно гостеприимный кабулец внушал очарованному гостю, что следует заморозить в зародыше российский диалог с мусульманскими бунтовщиками, которых еще недавно летчик Руцкой бомбил геройски и был за это удостоен высшей награды СССР.

Наджибулла также уверял, что сумеет будто бы без московских переговоров с моджахедами самостоятельно заполучить от его смертельных супостатов захваченных ими советских солдат. Руцкой вернулся домой одурманенным речами кабульского кудесника.

Вскоре в «Белом доме» Руцкой пригласил меня в его кабинет и командирским голосом изрек, что нам «больше не надо церемониться с бандитами в Пешаваре» и зазывать их в Москву на переговоры. Я опешил:

- Как же мы освободим военнопленных?

- Это сделает для нас Наджибулла.

- Но ведь вожди моджахедов прокляли его, не имеют с ним никаких дел и мечтают растерзать!

- Это лишь их болтовня. Наджибулла обещал мне, что на протяжении трех месяцев до новогодних праздников он вынудит бандитов отдать нам 26 наших солдат.

- Почему 26? А остальные?

- Их выручит Наджибулла позже.

- Неужели вы поверили его сказкам?

- Ты плохо осведомлен о способностях Наджибуллы, - рассердился Руцкой, «тыкая» мне по-полковничьи.

- Но тогда давайте, полагаясь на Наджибуллу, подстрахуемся тем не менее нашими переговорами с моджахедами, - пытался я урезонить его. — Одно не исключает другого.

- Нет! — отрезал он. — Трепотня с твоими бандитами бесполезна.

- Не согласен.

- Слушай то, что я тебе говорю! Кончай пререкаться!

- А вы, полковник, не орите на меня. Мы с вами не в казарме. И гауптвахты нет тут у вас.

- Ну, и черт с тобой!

- Он уже передо мной. Вселился в вас.

Разругавшись с Руцким, я проиграл очень крупно. Он был тогда за-просто вхож к Ельцину и убедил его, очевидно, в своей правоте, когда тот вышел из больницы. Помощники председателя Верховного Совета передали мне, что их начальник отложил вроде бы из-за его занятости обсуждение со мной афганской тематики. Она почему-то утратила у него актуальность. Это были явно политесные отговорки.

Наджибулла, его менторы из нашего КГБ и враждебный Ельцину горбачевский МИД предприняли против меня в октябре открытое контрнаступление в московской прессе. Руководство КГБ снарядило в Кабул нескольких журналистов из подконтрольного Лубянке агентства печати «Новости» и «Известий». Их доставили к Наджибулле. Он устроил им два приема, изобличая едко насолившего ему, по его словам, «новоявленного советского миссионера»:

- Безответственное поведение Ионы Андronова не только не помогает делу освобождения военнопленных, но, напротив, тормозит этот процесс.

Ему подпевал советский посол Борис Пастухов:

- Ажиотаж, поднятый в последнее время вокруг проблемы освобождения военнопленных, подчас просто вреден.

Одновременно в Москве глава управления информации МИД СССР Геннадий Герасимов, который никогда не был в Пешаваре и в дальнейшем поселился в США на курортных Гавайских островах, высказался беззастенчиво от имени вождей моджахедов:

- Никто в Пешаваре пока не собирается в Москву.

Все это повторила у нас столичная печать. Некоторые газеты, однако, опубликовали и мои возражения. Их процитировала, например, газета «Куранты»:

- Недавно я разговаривал по телефону со штабом лидера моджахедов Моджадеди, откуда мне сообщили, что представительная делегация для выезда в Москву уже сформирована. С их стороны готовность есть. Дело остается за нами.

Вспыхнувшая полемика грозила окончательно похоронить согласие моджахедов на переговоры с Ельциным. Были потеряны впустую три последних месяца 1990 года. К новогодним праздникам Наджибулла, вопреки его посулам, не сумел добиться освобождения из плена ни одного нашего солдата. Это никак не озабочило Руцкого.

В декабре на съезде российских депутатов в Кремле я в кулуарах протолкался сквозь свиту и охранников Ельцина и вручил ему двухстраничную апелляцию.

- Что это? – спросил он.

- Адресованный вам мой официальный запрос народного депутата.

- О чём?

- О том, что вы загадочно не реагируете на согласие афганских моджахедов приехать сюда к вам по нашему приглашению.

- Чего вы хотите?

- Серьезного разговора с вами о судьбе наших военнопленных в Афганистане.

- Поговорим после съезда.

- Когда конкретно?

- Уточню и сообщу.

10 января 1991 года в «Белом доме» улыбающийся Ельцин приветливо протянул мне руку, когда я вошел в его кабинет. Он вызвал секретаря и приказал не соединять с ним никого по телефону во время нашей беседы. Тем самым он напоказ собеседнику как бы приподнял важность встречи. По части таких штучек он был мастак. А я счел несвоевременным укорять Ельцина за трехмесячную отсрочку его ответа вождям моджахедов. И только пожаловался, что родственники наших военнопленных неустанно сетуют мне на срыв санкционированных им переговоров с пешаварскими афганцами.

Затем я кратко рассказал о пребывании в Пешаваре и кознях КГБ, а он сказал, что Крючков и Горбачев пакостят ему во всех его делах. Ельцин принялся перечислять множество горбачевских интриг против него, развелновался, жестикулировал и говорил об этом так долго и обозленно, будто его поразил припадок лихорадочной мании преследования.

Почти полчаса из сорока минутной встречи с ним я слушал его гневные порицания коварного Горбачева. Наконец, он выдохся и умолк, а я торопливо попросил его дать долгожданный ответ от имени Верховного Совета на согласие моджахедов приехать в Москву. Ельцин сказал, что принял твердое решение принять их здесь и предложил мне организационно обеспечить подготовку приема пешаварской делегации в сотрудничестве с его главным помощником Виктором Илюхиным.

Таким образом я все же добился своего, но ясно уразумел, что Ельцин заново приглашает моджахедов и будет помогать освобождению военнопленных ради подъема собственной популярности нарочно в пику Горбачеву.

В заключение беседы я успел рассказать Ельцину, как о нем выскакивался в Пешаваре один из лидеров моджахедов Хамид Карзай, назначенный руководителем афганской делегации на предстоящих переговорах в Москве. Карзай однажды в разговоре со мной удивился:

- Почему ваш Ельцин поощряет национальные республики Советского Союза к их суверенитету? Такое может развалить вашу страну.

- А вы печетесь о нашем благе? – рассмеялся я. – Вы же девять лет воевали насмерть против нас.

- Да, мы прогнали вас с нашей земли, – ответил Карзай. – Но не хотим, чтобы Россия перестала быть нашим северным соседом.

- Почему?

- Потому что наши соседи на юге и ~~востоке~~^(Западе) – Пакистан и Иран – намного сильнее Афганистана и пытаются давно подчинить себе нашу страну, разорвав ее по частям. А русские не позволят этого сделать. Зачем Ельцин разрушает Советский Союз?

- Это неправда. Ельцин идет всего лишь на вынужденные уступки нашим нерусским окраинам. Тем самым он гасит там тлеющие искры мятежей. Так он рассчитывает сохранить великую державу. Она ему дорога, ибо он человек подлинно русский.

Выслушав мой пересказ этого пешаварского эпизода, Ельцин заулыбался:

- Молодец, Иона Ионович! Вы правильно понимаете суть моей политики.

В его искренности тогда я нисколько не усомнился. И оправдывал его в Пешаваре честно. Каким же был я простофилей!

Менее года спустя в Беловежской пуще Ельцин за хмельным застольем расчленил наше государство. А это одобрили слепо депутаты российского Верховного Совета за исключением только десятка моих

коллег. От общего греха и позора меня чудом уберег очередной вояж в Пакистан... *Теперь же Хамид Карзай — президент Афганистана.*

После успешного свидания с Ельциным я обсудил детально порученное мне задание с его главным помощником Илюхиным. И отправился в посольство Пакистана за помощью в подготовке отлета из Пешавара в Москву делегации моджахедов.

Замещавший пакистанского посла мой старый знакомый Фарук Рана дружески посоветовал во избежание помех со стороны кремлевских недругов Ельцина привезти мне самому в Пешавар для делегации моджахедов оплаченные билеты «Аэрофлота» и разрешение на выдачу гостям советских въездных виз. Мой отлет в Пакистан запланировали на конец января.

Однако 27 января меня позвали в секретариат Ельцина и показали полученную им депешу из КГБ. Начальство Лубянки извещало о «целесообразности отсрочки визита в Исламабад заместителя председателя Комитета по международным делам Верховного Совета РСФСР И. Андронова с целью обсуждения вопроса о военнопленных и об установлении прямых контактов между РСФСР и руководством моджахедов в Пешаваре».

Это был по-существу полицейский окрик с Лубянки: «Стой! Не шевелись!». Но как они пронюхали о моих замыслах? Тайно подслушивали разговоры в кабинетах Ельцина и его преданного помощника? Или в резиденции пакистанского посла? Имели повсюду своих осведомителей? Не знаю поныне. Однако признаю их былую мощь шпионажа и превосходство в умении нанести первыми упреждающий удар.

Депеша КГБ рекомендовала Ельцину не лезть в афганские дела: «Афганская оппозиция сможет получить согласие Горбачева на обсуждение с ней важных вопросов». Состязание двух соперников было, как видно, во всем обоюдно маниакальным.

Последние строки депеши содержали угрозу: «Вопрос о советских военнопленных может стать предметом политической борьбы между руководством СССР и РСФСР».

Потенциальные борцы команды Горбачева были поименно перечислены: адресатами депеш из ведомства Крючкова значились помимо Ельцина министр обороны СССР Дмитрий Язов, министр иностранных дел СССР Александр Бессмертных, вице-президент СССР Валентин Янаев. Впятером против одного! Почти как в драках уличной шпаны. Кремлевские забияки устроили закулисную свару вместо совместного спасения наших солдат из афганского плена.

5 февраля Ельцин получил вторую депешу из КГБ, которую мне опять показали. На сей раз Лубянка обнаружила антипатриотизм в якобы ошибочных призывах общественности освободить всех советских военнопленных:

«Большинство из них совершили те или иные преступления (дезертирство, мародерство и прочее) или «повязаны кровью» с моджахедами в действиях против советских и афганских войск».

Тем самым как бы отрицалась узаконенная амнистия всем воевавшим в Афганистане советским гражданам.

Депеша КГБ завуалированно шантажировала Ельцина вроде бы компроматом против него: «американские спецслужбы подталкивают моджахедов» к изощренной провокации — «стимулированию давления команды Ельцина на Горбачева». Значит, получалось, что наряду с вождями моджахедов и я наемный подстрекатель ЦРУ?!

Обе депеши КГБ в целом грозили Ельцину в разгар его конкуренции с Горбачевым открыть новый фронт противоборства на афганском направлении. Обойма обвинений Ельцина была ему для устрашения загодя негласно показана: он, мол, безмозглый спаситель «повязанных кровью» с врагами презренных дезертиров, мародеров и предателей, партнер убийц-моджахедов, пособник ополчившихся на президента СССР заокеанских спецслужб.

Так испачкать Ельцина публично в прессе было вполне возможно по секретным заказам КГБ. Дезинформацию поддержали бы послушно из МИДа и министерства обороны. И все это предвидя, Ельцин пожертвовал его переговорами с моджахедами. Для него такая потеря была мелкой. Мой отлет в Пакистан не состоялся.

Полтора месяца я ждал материализации обещанного в первой депеше КГБ: переговоры с моджахедами о наших военнопленных будет курировать Горбачев. Но он практически бездействовал. Его отвлекли другие заботы в борьбе с Ельциным.

И тогда пришлось заново сыграть «ва-банк». Я дал депутатское интервью самой многотиражной в столице газете «Московский комсомолец», разгласив содержание депеш КГБ Ельцину. И осудил КГБ за торпедирование визита в Москву делегации моджахедов. А вдобавок организовал манифестацию протesta семей военнопленных перед парадным входом в дворцовую высотку министерства иностранных дел.

Вскоре позвонил мне домой по телефону мужчина с бархатным баритоном:

- Можно поговорить с Ионой Ионовичем?
- Да, слушаю вас.
- Меня зовут Александр Николаевич Карбанинов. Я начальник центра общественных связей Комитета государственной безопасности СССР.
- Вы, наверное, генерал?
- Генерал-майор. Могли бы мы повидаться?
- А зачем?
- Это не телефонный разговор.
- Но важный?
- Полезный и вам.
- Раз так, то согласен встретиться.
- Где вам удобнее? Могу приехать к вам домой.
- Нет, побеседовать с генералом КГБ, пожалуй, интересней в КГБ.

- Завтра?
- Ладно.
- Наш дом знаете на Лубянке?
- Еще бы!

Генерал Карбанинов был одет штатски в добротный темный костюм, а кабинет имел престижный: окнами на Лубянскую площадь, где стоял по-средине черный великан — первый чекист Железный Феликс. Его скрутили здесь москвичи через пять месяцев. Но пока что он казался вечным, а генерал Карбанинов горделиво сказал мне, что рядом с его кабинетом есть еще одна историческая реликвия — бывший кабинет покойного Лаврентия Берии. И тут я понял, что разговор со мной будет суровым.

Генерал напомнил мне о газетном интервью против КГБ и припугнул:

- Офицеры подчиненного мне управления имеют хорошие связи с прессой. Они уже подготовили относительно вас очень нелестную публикацию. Но предварительно я решил выяснить: осознаете ли вы теперь опрометчивость своего поступка?
- Ничего дурного я не сделал.
- Вы совершили недопустимое.
- Разве я извратил содержание депеш КГБ?
- Вы нарушили правила служебной секретности.
- Но я не на службе у вас и не давал подписок блюсти вашу секретность.
- Напрашивается на неприятности?

- Гораздо больше неприятностей вам могу я причинить. Ваши офицеры напечатают гадость обо мне в какой-нибудь московской газете, а я, генерал, ваши сегодняшние угрозы мне процитирую с трибуны Верховного Совета. Там аккредитованы десятки газетчиков и телевизионных корреспондентов, включая зарубежных. Им я опять расскажу о саботаже КГБ освобождения наших военнопленных. Хотите так громко оскандалиться?

- Не нужен такой максимализм! — отпрянул он. - Нам надо помириться и помогать друг другу. Не забывайте о помощи вам из КГБ в обмене военнопленных.

- Это осталось, к сожалению, в прошлом.
- Давайте снова вместе выручать наших парней.
- Нет возражений.

- Ну, и отлично! — залучился добродушием генерал. — Никаких наших публикаций о вас не будет. Я доволен встречей с вами. На прощание сводил бы вас, как гостя, осмотреть кабинет Берии, но он заперт, а ключа у меня сейчас нет. Дьявольски досадно. Но вы не расстраивайтесь. Сходим туда в следующий раз. Будьте здоровы!

Следующего раза в нашем знакомстве не было. Тем не менее генерал КГБ с профессиональным оскалом клыков и благожелательной улыбкой

выполнил предложенное им перемирие. Газетный пасквиль обо мне не появился. Однако Лубянка продолжала блокировать приезд моджахедов в Москву.

Тем временем Ельцин полностью сосредоточился на предвыборных боях за кресло президента России. Ему неутомимо расставлял замаскированные препятствия ревнивый Горбачев. Оба обменивались словесными уколами и щелчками, но уже не пихались из-за первенства в освобождении военнопленных. И потому не интересовались больше участью неспасенных солдат.

12 июня Ельцин стал первым российским президентом. Его победе я, каюсь, способствовал посильно, будучи приглашен в сотню «доверенных лиц» во главе предвыборного авангарда тогдашнего народного любимца. После его триумфа я пришел к главному помощнику победителя Илюшину с просьбой напомнить Ельцину о незавершенных афганских делах.

Виктор Илюшин незаметно приобрел за истекший год большое влияние на своего шефа. Педантичный и неговорливый помощник исправно выполнял наиболее деликатные поручения начальника, составлял для него ежедневное расписание нужных встреч и публичных выступлений, въедливо фильтровал посетителей Ельцина и сообщал о них заранее добытые сведения.

Илюшина заслуженно прозвали «серым кардиналом». Но осторожный чиновник не выказывал никакого зазнайства, общался со всеми скромно и корректно, а мне помогал деловито и даже слегка симпатизировал, так как сам побывал в Афганистане во время войны.

Неизменно вежливый Илюшин усадил меня в кабинетное кресло, предложил чашечку кофе и произнес сочувственно:

- Вынужден вас немного огорчить. Борис Николаевич более не занимается проблемами, связанными с Афганистаном. На это у него ныне нет времени.

- Но он же обещал помочь родителям наших военнопленных! – изумился я.

- Решения Бориса Николаевича я не комментирую, - охладил меня Илюшин.

- Кто же из высших властей теперь поможет?

- Афганская проблематика передана Борисом Николаевичем вице-президенту Руцкому. Обратитесь к нему.

- Он категорически отвергает мои действия для освобождения военнопленных.

- Прискорбно. Но изменить ничего не могу.

Вот чем бесплодно закончилось навсегда мое сотрудничество с Борисом Николаевичем Ельциным.